

Преступления киевского режима против мирного русского населения города Константиновки

Москва, 2026 г.

Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов (председатель – М.С. Григорьев) создан в ходе Международной конференции по инициативе российских и зарубежных правозащитников, юристов и журналистов. В настоящее время в него вошли представители гражданского общества 35 стран мира (США, Канада, Германия, Франция, Испания, Польша, Индия, Аргентина, Италия, Австралия, Израиль и др.).

Основная задача Международного общественного трибунала – сбор свидетельств о преступлениях киевского неонацистского режима, передача их в национальные правоохранительные органы и представление информации на российских и международных площадках.

Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов зафиксированы многочисленные военные преступления киевского режима в г. Константиновке.

Согласно многочисленным свидетельствам пострадавших и очевидцев, обстрелы мирного населения города со стороны Вооруженных сил Украины носили системный и целенаправленный характер. Житель города Константиновки Светлана Ростовская рассказывает: «Мой бывший работник ехал с Дружковки с женой... Ехали на мотоцикле, и в районе центра города, возле ДК «Октябрь», где 14-этажки у нас стоят, с этих 14-этажек налетело три дрона. И жену этого Александра разорвало на мелкие куски сзади него... Он по кускам ее собирал. С 14-этажки постоянно вылетали дроны и обстреливали центр города». Анатолий Крупко рассказывает: «Семья была: жена, Алла Ивановна, дочь и зять. Все погибли от украинских прилетов... Они могли оттуда стрелять в эту сторону и с обратной стороны могли. Они разворачиваются и лупят по городу. Им всё равно, откуда бить. А жена и дочь – на следующий день подожгли дом. Они сидели в погребе. Я не успел их спасти. Они задохнулись. Мина подожгла дом. 2026 года, 22 мая. Жене 67, а дочке 41 было. Задохнулись – я не смог их спасти... Украинские преступления были поголовные. Били ударами безбожно, честно говоря». Александр Волохов рассказывает: «Я в Константиновке жил по улице Никопольская, 10, с женой, Волоховой Людмилой Ивановной, и сыном. Сын погиб в 2025 году. На работе. Был на работе. Пролетела ракета рядом. Два осколка. Осколок в сердце. Сорок один год был. Двадцать первого февраля двадцать пятого года. Украинская ракета. По направлению из Краматорска летела. По ударной волне так – с этой стороны всё разнесло, а с той стороны всё целое. А Россия с другой стороны шла».

Охота на мирное население города была постоянной практикой киевского режима. Александр Яковлев рассказывает: «А за нами в последнее время украинцы вели охоту с целеуказанием с дрона, наводили и прилёт мин. Это чисто была охота. В последнее время мы жили в Нижнем храме церкви ... Там прилёты были и во дворе, и ещё раз под церковь, под само здание был большой такой прилёт, мощный. Сразу, когда мы туда уже заходили, там вот этот был прилёт основной, и погибло двое человек, сразу погибло, и женщина получила ранение, и ей отняли руку». Валентина Гусар свидетельствует: «Начиная с октября месяца 2025 года все было очень жестко. За нами просто-напросто гонялись украинские дроны. На улицу выйти было невозможно. Если ты выходишь с подвала, если тебя засекут, то жди, что прилетит. У нас соседка вылезла с подвала, и за ней просто-напросто гнался украинский дрон. Он сбросил одну гранату, и её ранило». Людмила Волохова рассказывает о том, как убили ее соседа: «Украинские дроны. Они убивали, они

так свирепствовали дронами. Парень один вышел там ниже улицы, ну, просто подышать с подвала вышел, и его дрон сразу накрыл. Подымов Юрий Сергеевич. Это по улице Сумской в Константиновке. Убило парня. Родители его похоронили прямо в огороде». Олег Шарапов свидетельствует о том, как сам еле спасся от украинских дронов: «От украинских дронов Подымов Юра погиб. Ноги сильно перебили. Он ещё живой был. Умер. Похоронили. Дроны меня тоже гоняли, тоже тикал. Вот уж по дровам пойдёшь. Я вокруг дерева тикаю, а он за мной. Потом посадили, вышли дрон забирать, хихикают». Андрей Паламарчук также был ранен украинским дроном: «Меня самого дрон атаковал, я раненый был месяц, лежал, вообще не вставал... мы подорвались с сыном и побежали тушить, выносить имущество. Схватил матрас, тележку, везу. «Глаза» висят, а другой дрон штопором стал, и меня начал атаковать. Я успел только два шага назад сделать, сруппироваться, закрыл артерии... и глаза. Ну, у меня нижние конечности посекло». Елена Миропольская свидетельствует о целенаправленности и системности украинской охоты на мирных граждан: «Мы там бегали с подвала в подвал. Украинцы разбивали, и мы перебегали в другое место, к людям. Если они видели, где люди сидят, они закидывали нас дронами. И так люди бегали с подвала в подвал. Мы три подвала поменяли, и каждый из подвалов разбили украинцы».

В значительном количестве случаев мирные жители прямо указывали места, откуда осуществляли украинские операторы БПЛА старт дронов, а также говорили о том, что на частях дронов, которые осуществляли по ним удары, были украинские надписи или эмблемы. Например, жительница города Анна Чепуркова рассказывает: «Около нас, получается, украинскими дронами убило трёх мирных людей – двух мужчин и одну женщину. Прямо в окна залетали и прямо в человека били. Одного мужчину убили, потом через некоторое время второго мужчину. И на Троицу убило ещё одну женщину. Прямо наводкой через окна вот эти, которые без стёкол, без рам. Прямо наводкой залетали в пятиэтажки... Эти украинские дроны с центра города летели. То есть русских там явно не было солдат». Александр Щитиков свидетельствует: «Украинцы дронами били по домам. Когда части находили этих дронов там трезубцы стояли. То есть остатки находили от дронов с трезубцами».

Особенную ненависть у украинских военных вызывали попытки мирных жителей эвакуироваться в сторону российских войск. В этом случае удары дронами по мирным людям были постоянной практикой.

Максим Плюшко свидетельствует, как пережил атаку украинского дрона при эвакуации: «Я эвакуировался из Константиновки 20 июня. По дороге мы почти уже дошли до конечной точки и пролетал украинский дрон. И атаковал нас. Получился у меня ранение с переломом. Украинский дрон видел, что мы гражданские. А маме моей 72 года было. У меня – закрытый перелом костей». Жительница города Валентина Гусар рассказывает: «Нам повезло, мы хорошо вышли, спокойно, а за нами шли две женщины. Получается, их украинским дроном накрыло, одну сразу убило, а вторую ранило. Нам потом рассказали, что эту дорожку выследили».

Жители Константиновки обоснованно считают, что одной из причин целенаправленных убийств и обстрелов мирного населения было стремление заставить мирное русское население покинуть город на территорию Украины в условиях неминуемой сдачи российским войскам, а также в пропагандистских целях для того, чтобы обвинить в этом Россию.

Оксана Киреева рассказывает: «Украинцы город обстреливали с разных окраин. Они, во-первых, хотели запугать людей, чтобы больше людей выезжало. А во-вторых, чтобы думали, что это Россия. Но Россия в этот момент очень далеко были». Елена Сидашова рассказывает, как за ними при эвакуации охотились украинские дроны, а также о том, что им говорили украинские военные: «За нами украинские дроны охотились. Мы пересиживали. На нашем пути это было дважды. Мы пересиживали, украинские птички летали. Украинские военные нам всё время говорили: «Эвакуируйтесь, эвакуируйтесь. Если вы не эвакуируетесь, значит, вы ждуны. Вот вы хотите русский мир, вот вы хотите Россию, из-за вас началась война на Донбассе». Любовь Сурджан делает акцент на том, что киевский режим специально обстреливал магазины, а также убивал тех, кто доставлял в город продовольствие для того, чтобы жители бежали из него: «А еще приезжал мужчина, привозил продукты. Он продавал со своей машины. Его несколько раз предупреждали украинцы. Предупреждали и потом убили... И еще один – проходишь улицу Громова, и еще там метров 200, и там тоже был маленький магазинчик. Туда тоже привозили продукты. И у этого мужчины, что возит, уже, два раза подбивали машину украинцы. Конкретно били именно, чтобы не возили продукты людям. Они сначала предупреждали, чтобы выехали. Ну, а потом, когда не слушались, уже конкретно было насилие над людьми».

Местные жители уверены в том, что преступления киевского режима по отношению к ним были связаны с ненавистью на этнической почве. Житель города Анатолий Крупко рассказывает: «Мы для них враги. Во-вторых, они нас считали ждунами. Ждуны – те, которые за русских, хотят, ждут русский мир. А раз мы русский мир, значит мы враги. Были такие случаи, что люди видели, как украинцы пушки разворачивали и били по городу. Женщины подходили к ним: что вы делаете? Бабка, закройся, а то сейчас получишь. Разворачивали пушки и били по городу. Именно по городу. Украинские военные. По мирному населению». Виталий Миропольский свидетельствует: «Я, бывало, избиение людей видел. Ну просто, допустим, идёт человек. Сказал на русском. А ему на украинском: «Почему не на ридной мове?» А он всю жизнь разговаривал на русском языке. Это его город, ну как я буду? Я вот понимаю украинский, но я на русском буду разговаривать. Нет, надо на ридной мове, ты в Украине. Ну и начали его избивать. Это я лично видел». Александр Яковлев свидетельствует: «Нас на Украине никогда не считали украинцами. Вообще никогда. Ну, те, которые жили на остальной Украине. Даже туда, ближе к Киеву. Мы были идейно совсем другие. У нас понимание жизни совсем другое». Житель города Александр Шитиков отмечает: «Мы украинцам не нужны. Сам мэр города Константиновки как сказал? У него же интервью есть, что там остались одни наркоманы и алкоголики». Житель города Елена Миропольская прямо говорит о том, что украинцы не считали их за людей: «Украинские военные нас и сепарами называли, и говорили: «Вы не люди». И что мы вообще последние отбросы, и раз мы не уехали, значит, нас и убивать можно, и, что хочешь, можно делать с нами».

IV Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 года определяет необходимость предоставления защиты по отношению к гражданским лицам. С этой целью «всегда и всюду будут запрещаться посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства». Представленные в данном докладе свидетельские показания в полной мере изобличают киевский режим в грубых нарушениях Женевских конвенций, которые являются военными преступлениями, не знающими срока давности.

1

**Крупко Анатолий Викторович,
65 лет, житель города Константиновки, ДНР**

«Я 60-го года рождения. Проживал в Константиновке по улице Ползнова с семьёй. Семья была: жена Алла Ивановна, дочь... Жена, дочь и зять. Все погибли от украинских прилетов.

21 мая погиб зять от осколочного ранения, проникающего. Слободнюк Роман Владимирович, 45 лет. Могли оттуда стрелять в эту сторону и с обратной стороны могли. Они разворачиваются и лупят по городу. Им всё равно откуда бить. А жена и дочь – на следующий день подожгли дом. Они сидели в погребе. Я не успел их спасти. Они задохнулись. Мина подожгла дом. 22 мая 2026 года. Жене 67, а дочке 41 было.

Задохнулись, я не смог их спасти. Огонь такой был, что никак невозможно было. Я потом только смог туда добраться до них, вытащить тела.

Украинские преступления были поголовные. Били ударами безбожно, честно говоря. Я потом ушёл, я сам остался, получается, а у нас в церкви жили люди. Я пошёл к ним. Куда деваться? Ходил вокруг дома, горело, ну что ж мне там делать? Пошёл к ним. А там уже жили они с осени. Я к ним присоединился. И где-то, да, через какой-то период, начали нас там сильно бить и жечь. Видели, что церковь всю... И ловили, видно, прекрасно, я так понимаю. Всё равно жили, бомбили, мины кидали – это страшно, жуть.

Это же видно было, как дрон этот большой, «ведьма», как он кидает мины на нас, прямо на голову. Прямо на церковь, да, да, да. Мы жили, и минами нас закидывали. Церковь на проспекте Ломоносова.

Мы начали уходить, потому что поняли, что нас там добьют. Мы ушли, а люди, которые ещё оставались, говорят: «Церковь снесли совсем. Остальное добили». А я с собакой, овчарка, мы вдвоём с ним остались. Ну, жалко собаку, я с собой его забрал. Вот дроны украинские начали охотиться: один прилетает, опускается, стоит надо мной и в дверной проём. Залетал лупатель. Хорошо, мы успели увернуться. Один, второй, третий – они одним не успокаиваются. Несколько штук, они за одним шуруют. Потом, видно, второй промахнулся, рядом в окно залетел, но он там не взорвался. Ну, со взрывчаткой так и осталось.

Мы для них враги. Они нас считали ждунами. Ждуны – те, которые за русских, хотят и ждут русский мир. А раз мы – русский мир, значит, мы – враги.

Были такие случаи, что люди видели, как украинцы пушки разворачивали и били по городу. Женщины подходили к ним: «Что вы делаете?» «Бабка, закройся, а то сейчас получишь». Разворачивали пушки и били по городу. Именно по городу. Украинские военные. По мирному населению.

Это они для того, чтобы выезжали, чтобы не сидели в городе. Так делали специально. Чтобы начали эвакуировать. Люди же не хотели. Те, которые хотели, сразу летели в Украину. А мы, допустим, хотели остаться на своей родине, где мы живём. Моя семья туда не хотела ехать. Мы сюда хотели, в Донецк мы хотели, или остаться.

У Украины будущего нет. Я так думаю. Они сами себя закопают. Это моё мнение».

2

**Яковлев Александр Михайлович,
68 лет, житель города Константиновки, ДНР**

«Мне 68 лет, я родился и жил всё время в городе Константиновке, Ползунова, 12, в районе Пятой больницы, как у нас называли. Мы с женой жили вдвоём.

Детей у нас... Просто охота была за ними. Как только где-то кто-то сдавал, что есть ребёнок, украинские полицейские приходили, стучали, ломились туда, в квартиру, пытались забрать любыми средствами. То есть у них была поставлена задача – всех детей вывести абсолютно.

А за нами в последнее время украинцы вели охоту с целеуказанием, с дрона, наводили и прилёт мин. Это чисто была охота.

В последнее время мы жили в нижнем храме церкви. Сразу, изначально, когда мы туда перешли, центральный купол практически висел там на волоске. Первый прилёт был рядом с церковью, и он просто снёс дом. Через дорогу был домик, и он его сложил полностью. Была большая яма такая. Это как бы промазали они первый раз. А второй раз они снесли купол основной. И получилось, что пространство купольное было подвержено дождям. То есть купол наклонился сильно, висел так, и туда заливало всё, потому что от дождей всё лилось с потолка.

Это украинские войска. Там прилёты были и во дворе, и ещё раз под церковь, под само здание был большой такой прилёт мощный. Сразу, когда мы туда уже заходили, там вот этот был прилёт основной, и сразу погибло двое человек и женщина получила ранение, ей отняли руку. Когда мы уже находились тогда в церкви, в нижнем храме. Обычно были слышны выстрелы миномёта. Мы спускались в подвальное помещение Нижнего храма. Но я немножко задержался, как бы разговаривал. Жена находилась в соседнем здании, буквально там 10-15 метров. Разговаривал. И я слышал, что мины полетели. Обычно они летели, у нас проспект рядом с церковью, они летели дальше туда, по направлению к Пятой больнице. Я слышал, что не очень далеко от меня попали. А я зашёл как раз в пространство, где закрывалась дверь, встал в угол, но левая рука у меня не поместилась так, чтобы встать полностью в угол. И была приоткрыта дверь, буквально сантиметров 30-40, я не знаю сколько. И она стояла на костыле. И вот этот случайный такой, я считаю, прилёт, он оказался буквально за оградой церкви. Это очень близко было. Разрыв, и у меня ранение.

Вошло вот в эту часть и вышло сюда. Короче, практически вышло, потому что образовалось отверстие, но до конца осколок не вышел, и мы немножко его подтягивали магнитом так, потому что ни врачей, никого уже не было. Просто пришёл парень, у которого жёны были медсёстрами. И он немножко, вроде как, побольше знал, чем мы, основные. И не захвата уже никаких, ничего. Ну, короче, вытянули. Разрезали немного кожу. Вытянули, позаливали, чем могли.

Дронами нас сильно начали кошмарить последнее время, когда к нам начали перемещаться люди, которые хотели выйти. Их то шесть человек, они пришли, сели у нас

там на лавочку, посидели, отдышаться, поговорить... Как только они начали двигаться, сначала прилетели мины. Украинские мины, потому что гражданские задвигались, много оказалось тут. Собственно, все мины, которые сейчас прилетали, это были мины по гражданским, стреляли украинские военные, однозначно. Иногда, я просто даже, ну не иногда, а чаще всего слышал вылет, и я мог сказать, что он находится чётко на территории, которая ещё не занята российскими войсками.

А дроны нас начали атаковать потом, когда минами они нас разрушить не могли толком. Здание церкви довольно-таки большое. Тогда они решили нас спалить. И дронами... Вначале один день атаковали, но мы изнутри тушили, была вода ещё.

Они хотели нас сжечь. Если не сжечь живьём, то хотя бы выкурить нас оттуда. Возможно, в дальнейшем, они просто хотели поразить нас, вышедших наружу, дронами. Потому что дроны жужжали постоянно. И когда вот они нас сжигали, первый день мы боролись с этим, загасили, они прилетели на второй день и начали опять нас... Там было несколько мест, которые они поджигали. Они не в одном месте поджигали, а в разных местах начали поджигать. И центральный купол начали поджигать. Ну, в общем, всё, что могло загореться, загорелось. Мы выскочили, вытащили свои вещи. И, естественно, они просто оценили, что нас довольно-таки много.

Мы первые прошли. У нас вышло 12 человек, выходило, плюс ещё присоединилась семья из трёх человек: сын, дочь и мама. В более поздних выходах, которые были там, мы вторые вышли, а вот уже после нас там третья, четвёртая, там, где погибли женщины, скорее всего, просто ВСУ уделили больше внимания для того, чтобы прекратить эти выходы. И поэтому они атаковали женщину уже прямо на проспекте. Ну, они прошли там метров 200-300, их там, видно, атаковали украинцы.

Нас на Украине никогда не считали украинцами. Вообще никогда. Ну, те, которые жили на остальной Украине. Даже туда, ближе к Киеву. Мы были идейно совсем другие. У нас понимание жизни совсем другое. А Зеленского, если бы была возможность, я бы просто уничтожил.

3

Гусар Валентина Ивановна,
61 год, жительница города Константиновки, ДНР

«В городе Константиновке я жила на улице Мелитопольской. Начиная с октября месяца 2025 года все было очень жестко. За нами просто-напросто гонялись украинские дроны. На улицу выйти было невозможно. Если ты выходишь с подвала, если тебя засекут, то жди, что прилетит.

У нас соседка вылезла с подвала, и за ней просто-напросто гнался украинский дрон. Он сбросил одну гранату и ее ранило. Там у нас дедуля жил еще. Ну, у нас три подвала было живых. Вот так вот мы кучкой жили. Она забежала к нему в подвал. Еще один взрыв, но мимо. И потом просто-напросто, через минут 15-20, налетели. И у дедушки, получается, подвал был под флигелем, но флигель уже разрушенный.

И они зажигалку бросили. Вот это всё начало гореть. Это Мелитопольская, 56 была. Дедушка – Левтинфельд Владимир Иванович, ему 72 года было. А соседка – Щербакова Галина Борисовна. Мы потом все вместе выходили.

Нам повезло, мы хорошо вышли, спокойно, а за нами шли две женщины. Получается, их украинским дроном накрыло, одну сразу убило, а вторую ранило. Нам потом рассказали, что эту дорожку выследили.

А украинским военным нужны были наши подвалы, потому они ходили, говорили: «Подвалы освободить». А мы куда? Тут люди живут. А нам было сказано: «Здесь людей нет, здесь смертники». Украинскими военными сказано, которые искали себе подвальчики.

А в 2025 у нас там через двор батюшка жил. Ему украинцы зажигалку кинули, у него дом загорелся моментально. Батюшка нашего храма. У нас там на седьмой школе храм и батюшка наш православный. У него сгорел дом мгновенно.

Тогда начался обстрел такой жуткий. Мы спустились с сыном в подвал, а он забыл сумочку с этим, электроника, пауэрбанк. Говорит: «Я побегу, заберу». И тут он, ну, подходит, говорит: «Мама, говорит, у батюшки дом горит». И мы ж туда вот среди ночи побежали всем поселком, кто мог. Ну, тушить уже смысла не было. Сгорело всё. А потом, когда уже домой возвращались, Саша говорит: «Дрон следит». Утром мы чудом остались живы. Нам во двор прилетело, снесло, получается, фронтон. Украинский снаряд.

Видно, проследили, куда мы шли. И, получается, снаряд во дворе снёс всё – забор, фронтон, флигель, летнюю кухню, вот это всё. Ну, в общем, короче, расплошные кирпичи. И тогда мы уже, ну как, оставались в подвале уже просто на крайней линии. Там у нас уезжали соседи, и они говорят: «Заходите к нам в дом». Ну и мы, вот в этом доме тогда поселились. И до 17 октября были там. Мелитопольская, 54.

А крали ВСУшники все давно уже. В 2023 году уже на Новой почте они просто грузили телевизоры, плазму, бытовую технику. Военные ВСУшники, я просто так говорю. Отправляли на Новую почту. Телевизоры заносили. Вместе с милицией, хочу сказать. Да, и милиция стояла на Новой почте. Телевизоры, микроволновки, стиральная машина, вот это то, что я видела, перед ними они это все оформляли, упаковывали, отправляли. Ясное дело, что они это не купили у нас в магазине, потому что на то время уже эти магазины были все закрыты. Где-то ж стянули. А еще была семейная пара – Яна и Лёша. У них во дворе стоял вагончик, на вагончике видно буржуйка или газовая печка. Она, видно, там кушать готовила. Украинским дроном прилетело. Сначала он начал гореть, она послала своего мужа тушить. Говорит: «Беги в подвал, воду, типа, тушить». Короче, покуда Лёша сбегал в подвал, ещё один дрон, ну, и Яна сгорела. Вместе с вагончиком, даже костей не осталось. Это украинские дроны, и это было целенаправленно.

Вообще, конечно, страшно. Но не любят они нас. Вот западная Украина к Донбассу, они всегда относились к нам, как к москалям, так сказать. Ждунами считали. Ждуны, ждуны, коллаборанты, как они там нас только не обзывали. А что мы, ждуны? Кого мы ждем? Мы живём в своём доме, на своём, как говорится, на своей земле. Какие ждуны? Да, конечно, ждали, что нас всё-таки освободят, и всё это закончится, потому что прятаться – это уже было невыносимо, как кроты в норе. Знаете, это, конечно, может показаться совсем жестоко, но я бы Зеленского привязала к столбу и каждый день бы кусочек от него отрывала, чтобы он прочувствовал, что это такое».

4

**Волохов Александр Николаевич,
68 лет, житель города Константиновки, ДНР**

«Я в Константиновке жил по улице Никопольская, 10, с женой Волоховой Людмилой Ивановной и сыном. Сын погиб в 2025 году. На работе. Был на работе. Пролетела ракета рядом. Два осколка. Осколок в сердце. Сорок один год был. Двадцать первого февраля двадцать пятого года. Украинская ракета. По направлению из Краматорска летела. По ударной волне, с этой стороны всё разнесло, а с той стороны всё целое. А Россия с другой стороны шла.

Украинцы с «Бабы-Яги» на нас тоже сбрасывали, подвесы были. Они вот так вот четыре гранаты сплёвывают. А сначала Мавики пускают маленькие. Вот такая баночка и осколки тоже. Там как проволока, восьмёрка нарубанная. И разлетается, сечёт. Мне прилетело три во двор таких. А перед этим у нас троих уложило сразу. У жены осколки были, у меня был осколок. Человеку по голове прошлось. В прошлом году летом. Возле двора нас всех положило. По касательной мы отхватили, ещё повезло. Жену больше месяца выхаживал, антибиотиками отпаивал, желудок угробили ей. А потом начали, вот я не помню, в октябре, наверное, начали совсем целенаправленно. Где-то они уже какое поражение потерпели, я не знаю. И начали целенаправленно нас выбивать. Начали подвалы занимать, людей выгонять. Ну, и началась охота за нами. Мне в дом прилетало, я не помню уже сколько раз, со счёта сбился. И окна повывлетали, и... У меня дом, я сам строил. У меня потолок забетонированный был. Так пробили потолок, термитом каким-то кинули. Сожгли всё, даже люстры расплавились. А потом ещё и добили. Просто лупанули так, что стены попадали. Мы в подвале прятались, почти 9 месяцев прожили.

Потом я еще получил второй раз два осколка. А на ночь мы в подвале закрывались. Я болт протянул и изнутри закрывал. Снаружи нельзя закрывать, сорвут. Или перекусят ножницами. У каждой ходили, такие ножницы у них были. Ну, такие вот, метровые. Я ж вышел ночью закрываться, начал – мне в бок. Всё у меня развернуло вот так. Дверь улетела внутрь. Ну, и меня в бок. Ну, глянул, вроде не глубоко. А украинскими дронами у нас Янку убили. Соседка жила выше в доме. Чупрына Яна. Они там что-то есть себе готовили. Ну, и начался обстрел. И загорелся такой домик, у них был, типа вагонетки, там Славка держал пчёл, вывозил. Она там вроде готовила, но она заскочила туда, и её в этот момент второй дрон... Ну, короче, пополам её разорвало. У меня, когда хата горела, я её тушил. Честно говоря, жалко свою. Воды-то нету, я яму открыл. С неё черпал, носил и тушил. Я её лью, а она ещё сильнее горит. И два дрона висят надо мной, как издеваются. Они смотрели. Издевательски. Палачи, палачи.

Выше меня батюшка жил. На Пятой больнице построил церковь. Он всем помогал, он хлеб выпекал. В пять утра СБУ-шники к нему. Он вышел: «А что такое?» Они: «А нам требуется подвал». «Какой подвал?» Ну, на следующий день у него дом сгорел. Сожгли дом. У него был дом, так мало того, у него четверо своих детей, и он ещё приёмных принял. Там и девочка-инвалид с одной рукой была. ВСУ сожгли ему дом и заняли подвал».

5

**Волохова Людмила Ивановна,
63 года, жительница города Константиновки, ДНР**

«В Константиновке я жила с мужем, сына убили. Они свирепствовали страшно. Страшно свирепствовали. Украинские войска.

Я была ранена 2 октября 2025-го. Сосед сказал, что привезут хлеб в магазин. Надо было идти, немножко пройти в магазин. Мы собрались, взяли деньги, собрались в магазин. И тут муж говорит: «Может, давай зайдем?» Там, на другой улице, женщина. Она тоже просила, если мы будем идти в магазин, чтобы ее взяли, чтобы она одна не шла. Мы завернули к ней. У нее такая большая вишня была. И мы под вишню встали. Муж ее вышел, говорит: «Сейчас она выйдет».

Удар, и мы втроем оказались на асфальте. Мой муж и этот мужчина, который жену, это самое, звал, он на асфальте лежал, а меня кинуло под вишню на землю. Я даже не помню, как это получилось. Дрон был, потому что вот так вот, прямо мне вот сюда, вот ниже поясицы, как будто бы шар какой-то, вот так бах-бах! Вот, и рана у меня очень глубокая. Меня смотрел хирург, вот, когда нас перевозили, чтобы в Орловку попасть. Он говорит: у вас сильно глубоко. Осколки. Под кожей осколки, а здесь сильно глубоко.

Украинский дрон. Они убивали, они так свирепствовали дронами. Парень один вышел там, ниже улицы, ну, просто подышать с подвала вышел, и его дрон сразу накрыл. Подымов Юрий Сергеевич. Это по улице Сумской в Константиновке. Убило парня. Родители его похоронили прямо в огороде.

Однажды нам сбросили три кассеты: одну перед двором разорвало, и две кассеты разорвались во дворе. Окна нам повыбивали, стены нам повредили. Кассета, я не знаю, какие-то кассеты, такая вороночка небольшая. Страшно. А в другом мужчине восемь сбросили, представляете, у него там все переколошматили во дворе.

По улице Харьковской фамилия Марыныч, они тоже в подвале жили. И тоже вышли с подвала на минуту. И их убило, двоих парней. Ещё у нас женщина загинула от дрона. Чуприна Яна. У них такой домик, что к машине цепляется как прицепом. Она там кушать готовила. Украинские дроны, они всё сжигали. Сначала ударил по этому домику, она кинулась его тушить. И муж её пришел, она попросила, чтобы он принес воды, чтобы тушить. А второй дрон залетел и прямо попал на неё и разорвал её пополам. Да, и она упала в этот огонь. Он, когда пришел, он говорит: «Я даже костей не нашел». Такая температура была. Страшно.

Я после ранения лежала в подвале месяц с температурой 38,5. Через забор у них жили украинцы, эти военные. Мы им говорили: «Вызовите, пожалуйста, или волонтеров, или парамедиков. У нас три человека ранены». А они говорят: «Эвакуируйтесь, вас тут никто не будет лечить... До вас никто не приедет». Вот так вот. Никакой помощи. Абсолютно никакой помощи не было от них. Мародерствовали, вывозили и мебель, и всё. Всё вывозили. И сдавали на Новую почту. Вскрывали квартиры. Они на нас дронами страшно охотились.

Наш подвал уже спалили. А потом через время прилетел дрон, и не один, а штук пять. А у нас, как двери, подвал, а здесь рядом гараж стоял, он как бы прикрывал двери, вот этот и подвал прикрывал.

И, наверное, штук пять, а то и больше дронов как лупили этот гараж. А потом, как мы называли, «Баба-яга» – большущий дрон, он с минами пролетел и как бросил... И вот так вот гараж разлетелся к нам под дверь.

Когда эвакуировались мы утром встали рано, собрались, ну, кое-какие вещи, воды там взять, еды немножко, собрались. Нас шесть человек сразу вывели.

А следом за нами потом шли мужчина и женщина, и их убили. Дрон украинский накрыл их. А мы, слава Богу, живы остались. У меня просто ненависть ко всей Украине, просто ненависть, честно говорю».

6

Шарпов Олег Леонидович, 39 лет, житель города Константиновки, ДНР

«Однажды украинские военные меня на колени ставили, под автоматами стоял. Они сначала дроном бахнули, двери повывлетали, я слышу, лезят возле калитки. Трое пришли, это зима, снег был, в этих белых халатах, этих маскировочных. Думаю, сейчас надо же кричать, чтобы хоть гранату не кинули никакую. Начал кричать: «Мирные, мирные», – они ж там: «Вылазь, мы там».

Я с бабушкой там сидел, ночевал, у меня бабушка, она 68 лет. Говорю, тут с женщиной сидим вдвоём. Ну, вылазь, руки вверх там. Ну, вышел, руки ж показал, на колени поставили. Стою, руки вверх, на коленях.

Морды на дрон покажи, дроном ещё снимали, это они всё. Потом же начали: а кто, шо? Да, мирные, живём тут в подвале. Ну, документы покажу, говорю, в подвале. Ну, потом это, спустились, я в подвал с ним, показал паспорт. По рации ещё спрашивали по-украински. Я услышал, что украинцы, начал по-украински с ними разговаривать. Потом говорят в рацию: по-украински говорят.

Если бы говорили по-русски... сколько случаев, говорят, по-русски говоришь – убивали. Слышал, от людей слышал.

От украинских дронов Подымов Юра погиб. Ноги сильно перебили. Он ещё живой был. Умер. Похоронили.

Дроны меня тоже гоняли, тоже тикал. Вот уж по дровам пойдёшь. Я вокруг дерева тикаю, а он за мной. Потом посадили, вышли дрон забирать, хихикают.

А на базаре негры были, на английском разговаривали. Азовцы были, там все морды в этих своих свастиках, руки в свастиках забитые. Вот в этих свастиках азовский знак. Один тоже погреб искал, во двор залазит, а у него на морде знак «Азова». Думаю, да, долго ты так протянешь с этим знаком. Такой Украины, как сейчас, не должно быть. Вот этот нацизм, вот это всё прославление Бандеры».

7

Суржан Виталий Викторович,
43 года, житель города Константиновки, ДНР

«Один волонтер, он местный, он привозил жителям до Нового года продукты, продавал, почти без наценки, то есть чтобы людям хватало продуктов. Я слышал, его раньше украинцы предупреждали: «Уходи, не продавай ничего», то есть заканчивай эту деятельность. И в него – миномёт. Обстреляли, да. Рядом прям с ним миномётный снаряд упал, ранение получил. В декабре 2025 года.

Украинцы много Константиновку обстреливали из миномётов. Один парень жил в квартире. И в этой квартире наши парни носили ему еду, чтобы он там с голоду не умер. И в одно утро пришли, и оказалось, что он уже замёрз и был мёртв, то есть умер. Потом мы, по-моему, прям сразу в этот день собрались и после обеда решили выкопать яму и похоронить его.

Во время похорон, уже когда мы закапывали яму, то есть уже там немного оставалось, прилетел миномёт прямо в наш двор, где мы хоронили, и попал в дерево. И прилетел с обратной стороны. То есть, если бы не дерево, осколки бы полетели, и сам снаряд в нас полетел бы. А так дерево оказалось защитой, и мы как бы быстро докидали яму и убежали. Сторона была, куда прилетел именно с Украины, с той стороны, где Украина. Мы хоронили 10 января, я запомнил дату».

8

Плюшко Максим Васильевич,
45 лет, житель города Константиновки, ДНР

«Я эвакуировался из Константиновки 20 июня. По дороге мы почти уже дошли до конечной точки, и пролетал украинский дрон. И атаковал нас. Получилось у меня ранение с переломом. Украинский дрон видел, что мы гражданские. А маме моей 72 года было. У меня – закрытый перелом костей.

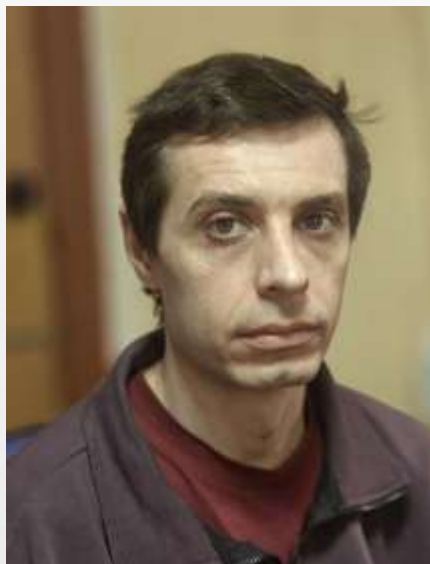
Украинские военные очень негативно относились к мирным жителям. Постоянно через наш район проходили, на районе они находились. «Чего вы здесь сидите, что вы ждете? Ждуны. Выезжаете на Украину». «Не надо нам», – мы говорили, – «здесь наш дом, нам некуда ехать». Они: «Да вы пророссийски настроены».

Даже один там, группа проходила, сказал: «Я как обратно буду возвращаться, я вас всех найду и застрелю. Расстреляю всех». Это проспект Ломоносова, дом 166. Район Спутник, грубо говоря, центр. А однажды люди зашли в подвал на окраине, многоэтажка, и двое гражданских лежали связанные, со следами пыток, застрелены.

Обстрелы были постоянные. Украинский миномет стрелял, дроны постоянно кружили. К нам в подвал дрон залетал. Украинский этот дрон залетел в подвал, хорошо так лупанул, я контуженный был, там хорошо меня отбросило. Слава Богу, живой остался. Нас там 12 человек было. И украинские военные знали об этом.

Мы, когда закончилась уже вода у нас в подвале, мы решили выходить. Мы там прошли метров пятьсот до соседнего квартала, там тоже в подвале сидели гражданские люди. А украинские военные прибегали и две противотанковые мины забросили нам в подвал, зная, что там гражданские сидят. Мы там еле откопались, думали: всё, мы не выживем. Они это всё прекрасно знали кто там, около 20 гражданских сидело. И снова контузия, там завалило нас, до сих пор уже плохо слышим. Украинцы понимали тоже, наверное, что мы пророссийски настроенные, а они там повёрнуты на своём».

9 Мировпольский Виталий Геннадиевич, 32 года, житель города Константиновки, ДНР

«Нас эвакуировали позавчера, 9 июля. А при украинцах в Константиновке все было как везде - и мародёрство, и издевательство.

Например, у нас была скважина, и люди ходили набирали воду там. И, получается, в один момент там скопилось много людей, и сидело двое украинских военных. А потом эти двое украинских военных ушли, и следом минут через пять прилетели кассеты в это место. Кассетные боеприпасы. Мирные пострадали. Моего знакомого ранило. Это еще в 2025 году было. Они увидели скопление мирных жителей и ударили туда кассетным боеприпасом. Ну, человек семь, ранено было. И он, и его жена. Логутин Евгений, он уже на пенсии, лет шестьдесят. А когда возили воду, большие машины, цистерны, возили воду – обстреливали эти машины, чтобы не возили воду. Украинцы обстреливали. Потом так же самое, как и везде. В Дзержинске тоже украинцы обстреливали, чтобы света не было у людей, не подзарядиться, выбивали всё. Мы сами с Дзержинского района, ну я и моя мама, а в Константиновке жили два года. И вот с 2014 года, когда началось это всё, у украинских военных постоянно было и выпивание, и мародёрство, и грабили.

Насчёт грабежей – это я видел лично. Приходили украинские военные, знали, где пустые дома, выясняли, и заходили, и все в мешок, и с мешками выходили с вещами. Это ещё в 2014 году было. По сути, практически один и тот же сценарий. Что у нас в посёлочке Курдюмовка, что в Дзержинске – у нас тоже родственники жили, мы туда переехали к ним, а потом уже сюда, в Константиновку. И то же самое – выбивание логистики и издеательства над мирными. А летом было, вот как раз в Константиновку, 2025-го же прилетела на рынок тогда украинская ракета, тогда много погибло. 22 человека или 20. Украинская ракета. Потом ещё, я знаю, тем же летом в Константиновке люди как на ставок купаться ходили, и тоже украинские военные обстреляли кассетными боеприпасами тот ставок на берегу. Делалось это всё специально, для запугивания мирного населения».

10

**Плюшко Алла Александровна,
72 года, жительница города Константиновки, ДНР**

«Мне 72 года, я в Константиновке и родилась, и жила. Как обстрелы страшные начались, и мы вообще не выходили из дома. У нас возле дома взрывы сумасшедшие были. Вот я зрение потеряла на один глаз. Украинцы стреляли. Наши люди в доме пострадали. У нас дом из трех подъездов состоит. Из первого подъезда два человека потом умерли от ожогов. Там взрыв произошёл, загорелось, всё. Одна мама, Валерина, вообще полтуловища потеряла. И мы потом 9 месяцев сидели у нас в подвале, под нашей квартирой. Взорвали дом наш. Середины дома не было вообще. Всё это вывалилось на улицу. И потом, когда мы уходили в другое место перепрятаться, потому что уже у нас ни воды, ни еды, ничего не было, вот по вот этим всем развалинам домашним надо было переходить. Я ничего не вижу, меня сын тащит. Вам не передать, что испытали мы. Пришли в другое место.

Ну, украинцы, видите, нас не забыли. И там, где мы были, они знали прекрасно, что там мирные люди находятся. Жили, кушали, спали. Всё, два раза вот эти бомбы бросали именно туда, к нам. Чудом никто не убит. Человек десять там было. Меня накрыло стеной. Моя любимая кошка пропала. В общем, чудом мы остались живы вообще».

11

**Усаченко Светлана Борисовна,
65 лет, жительница города Константиновки, ДНР**

«Мне 65. Я сама пострадала от украинских военных. 17 декабря, без пяти пять я у себя в селе закрыла хозяйство, детвора отъехала. Я зашла в коридор и закрыла дверь. А больше ничего не помню. Когда уже я пришла в сознание в больнице, это уже прошло несколько дней, то была острижена голова у меня, у меня швы были, мне лицо не разрешали смотреть. Сказали, не надо расстраиваться. У меня аппарат Елизарова был на руке и нога в аппарате Елизарова. Врач пришёл, заведующий отделением был, и сказал: «Ждём 2 января. Если 2 января здесь улучшений не будет, мы вам будем отрезать руку». 2 января в 4 часа они делали операцию. Они собрали пальцы, тут ставили мне кольца, спицы. И я была долго в аппаратах. Черепно-мозговая травма, рука и нога. Это было 17 декабря 2024 года. И после больницы переехала в Константиновку. А еще до этого мы жили у знакомых в доме. И в доме, наверное, часов в 10 вечера прилетел дрон. Он пролетел через крышу, пробил потолок в зале и влетел в стенку. Крыши не было, считай, на дому, нигде ничего. Когда начали вытягивать остатки дрона, то точно видели, что дрон был украинский. Потом они дом сожгли. Мы из огня вылезали под обстрелом и уходили из дома».

12

Алексеев Александр Николаевич,
56 лет, житель города Константиновки, ДНР

«В Константиновке я жил на Циолковского, 358, это Хитрый рынок. Бабушка у нас погибла от украинского дрона. Но это целенаправленно били. Бабушка смотрела в окно, в садике, на первом этаже там жили бабушки, дедушки у нас все. И смотрела в окно, вот так вот, только оно было без окон, без рам, ничего. Вот смотрела, и подлетел дрон. Он там облетал, полетал, потом встал и смотрел. Она сейчас с ним заговорила, и он прямо в нее. Украинский дрон.

А у нас за два дня до выхода «Баба Яга» была. Подлетела прямо над садиком. Встала и сбросила бомбу. Два человека погибло. Видели, что гражданские – там люди, печки стоят, люди готовили себе кушать чай. Дрова там, кто-то пьёт чай. Всё это, что было видно, они об этом знали. Погиб Олег и еще женщина, и один раненый».

13

Суржан Любовь Николаевна,
69 лет, жительница города Константиновки, ДНР

«Мне 69 лет, последние 4 года жила в Константиновке, там у нас родственники были. Вспоминаю был один случай, что к нам в подвал пришли муж и жена, пенсионеры, его ранило дроном, дроном украинским именно летел за ними и конкретно ударил в них. Муж сильно пострадал, и там у нас ребята, у кого еще машины были на ходу, его бегом вывезли в Дружковку с женой. Они шли купить хлеб со стороны Красного Октября. Это выезд с одной стороны по проспекту Ломоносова, а там, где церковь, вот откуда мы эвакуировались, они там рядом в длинном доме жили. И шли они на другой конец, на Спутник.

А еще приезжал мужчина, привозил продукты. Он продавал со своей машины. Его несколько раз предупреждали украинцы. Предупреждали и потом убили. Он сказал: «Я до 25-го буду возить». У него, говорит, у сына день рождения, мне надо, чтобы были продукты. Ну, короче, они его как раз и убили. Он уже ехал с продуктами с Дружковки и в лобовое стекло дрон украинский. Это было в конце декабря 2025 года.

А еще оставался еще один человек. Он тоже привез продукты, отошёл, там девчонки были, говорят: «Начинайте продавать». И он отошёл, и прилетел дрон, и его сильно ранило. И там ребята были рядом, тоже знакомые наши. И он с матерью, с пожилой, ей где-то за 80 было, они перебрались в подвал. Это может через неделю после того случая с первым продавцом нашим. И был случай, еще когда работал магазин, получилось, что я туда тоже ходила, но это было где-то в начале ноября. Продавали, там магазинчик был в квартале от

церкви, вот дорогу перейти, и там в квартале магазин был. Ну, короче, народу много было, и у них уже в магазине вот так вот потолок в одной части обрушился. Ну, все равно заведующая была девушка, ну, лет под сорок такая. И она говорила, что ее уже тоже украинцы предупреждали: «Закрывайте магазин, иначе...» Ну, короче, потом этот магазин закрылся. Целые они остались, не целые, я этого не знаю. И еще один – проходишь улицу Громова, и еще там метров 200, и там тоже был маленький магазинчик. Туда тоже привозили продукты. И у этого мужчины, что возит, уже, два раза подбивали машину украинцы. Конкретно били именно, чтобы не возили продукты людям. Они сначала предупреждали, чтобы выехали. Ну, а потом, когда не слушались, уже конкретно было насилие над людьми».

14

Миропольская Елена Викторовна,
55 лет, жительница города Константиновки, ДНР

«Мы вчера из Константиновки эвакуировались, 10 июля. Мы там бегали с подвала в подвал. Украинцы разбивали, и мы перебегали в другое место, к людям. Если они видели, где люди сидят, они закидывали нас дронами. И так люди бегали с подвала в подвал. Мы три подвала поменяли, и каждый из подвалов разбили украинцы.

В одном мы сидели, немножко была щёлочка такая, мы смотрели вроде бы как на солнышко. А если больше дверь открывалась, они видели, где гражданские, и начиналось это – дроны пролетали. В каждом подвале по три, по четыре, было и по шесть мирных людей. Кто как мог, в подвале столько сидели. В одном сидели вообще тринадцать человек. И раненые, выживали, как кто мог. Бомбили они гражданских, засыпали, всё осыпалось, и потом сами люди друг друга

вытаскивались из-под завала.

Украинские военные нас и сепарами называли, и говорили: вы не люди, и что мы вообще последние отбросы, и раз вы не уехали, значит, вас и убивать можно, и как что хочешь, то можно и делать с нами. Потому что мы остались ждать.

Много от украинских ударов людей погибло. Они били дронами, и сразу же люди же погибали. И рядом людей хоронили в воронках от снарядов. Невозможно было выйти. Если кто вышел, сразу тут же моментально дрон появлялся и всё. Люди гибли на месте. Очень много погибло. Мы были в одном подвале, сразу два мужчины погибло. Пролетел дрон, они просто вышли на улицу, может, покурить, и сразу другой дрон их накрыл. И сразу рядом с подвалом их похоронили. Мы выживали, как могли. Питания фактически такого не было. Если же удавалось там, где выбежать, чужой подвал, закатку, такого, что было, то мы питались. Потому что невозможно было выйти на улицу.

Люди по воду ходили. Украинские военные, как только видели столпотворение людей, они делали разведку, и потом туда чётко, ровно, там, где люди, туда пролетало. Дроны или миномёты, или арта. Арта и дроны – накрывали всё, что у них там возможно было, чем можно было бить людей, тем и били. Били целенаправленно».

15

Сидашова Елена Игоревна,
31 год, жительница города Константиновки, ДНР

«21-го мы вышли из Константиновки. За нами украинские дроны охотились. Мы пересиживали. На нашем пути это было дважды. Мы пересиживали, украинские птички летали.

Однажды в марте месяце на соседней улице у нас в доме, подвала у них не было, а в доме жили муж с женой, пенсионеры, уже довольно-таки 70 с лишним лет им. И к ним ещё соседка присоединилась, потому что ей одной страшно, но вместе им проще было, выживали.

Прилетел дрон к ним в дом. Начался пожар. Начала гореть крыша. Я увидела огонь, увидела дым. И с соседом мы побежали им помогать выносить вещи. Мы приблизительно знали, где кто живёт. Побежали как бы сначала посмотреть, там не там, потому что вокруг были пустые дома, ну пустые, никто не тушил, никто туда не ходил, а вот где люди жили,

старались как-то помогать друг другу. Значит, мы посмотрели, что это там, где жили эти люди, ну бабушки, дедушки. И мы смотрим, ещё там подошли ребята, соседи, тоже не тушить пожар, а уже помогать выносить вещи. То есть тушить там уже было поздно. Мы начали им помогать выносить вещи, бегали через дорогу наискось. Там жила их подружка, она их позвала к себе в подвал, потому что некуда идти.

А мы знали, где находится сторона русских, и где находится сторона украинских. И со стороны Украины летит дрон, видит бабушек, дедушек. Он видит, что люди носят вещи. Ну, потому что он летал вокруг, по кругу. Он видит, что люди носят вещи, видит, что с пожара выносят и переносят в соседний двор. Он начинает разгоняться и где бегает люди падает и взрыв. Одного человека осколками ранило. Ну, слава Богу, все остальные живы-здоровы были. Это на улице Харьковской, на Красном Октябре.

А контузию я получила при миномётном обстреле. В марте двадцать шестого года. Я была во дворе, получается, остались немного стен от гаража, немного стен от летней кухни и между ними навес. У меня там была буржуйка, то есть, когда готовила, когда кастрюлю с водой нагреть. И я утром встала. Растопила буржуйку, поставила кастрюлю с водой, чтобы умыться там. В общем, воды тёплой. Посуду помыть, такое. И вот прилёт в огород во дворе. В огород.

А мой муж погиб при миномётном обстреле. Это было 26 декабря 2025 года. Он понёс родителям продукты, пауэрбанки, у нас генератор был, заряжал пауэрбанки, понёс родителям и не дошёл, попал под украинский миномётный обстрел и погиб.

Украинские военные нам всё время говорили: «Эвакуируйтесь, эвакуируйтесь. Если вы не эвакуируетесь, значит, вы ждуны. Вот вы хотите русский мир, вот вы хотите Россию, из-за вас началась война на Донбассе». А моего сына 11-летнего мы прятали как могли, потому что принудительная эвакуация детей. Полиция приходит, проводит беседу сначала, что, мол, нужно эвакуироваться. А если люди с детьми отказывались эвакуироваться, то вплоть до лишения родительских прав – вызывают органы опеки и забирают детей.

Но, можно сказать, нам так повезло, потому что прописаны мы были по одному адресу, жили в квартире по другому адресу. Когда квартиру разбили, мы переехали в частный дом по третьему адресу. То есть, в общем, мы немного путешествовали и, можно сказать, повезло. Соседи с одной стороны были, бабушка с бабушкой, они были адекватной позиции, поэтому они никому не рассказывали, что там ребёнок во дворе. Никому ничего не говорили. С другой стороны, никто не жил. То есть вот не выходил особо на улицу. Выходить начал уже, когда меньше было движения по дороге, чтобы меньше заглядывали во двор люди. Тогда мы смотрим, что тихо, можно выйти, подышать свежим воздухом, вот так».

16

Чепуркова Анна Ивановна,
51 год, жительница города Константиновки, ДНР

«Я всю жизнь прожила в Константиновке до самого момента эвакуации 30 июня 2026 года. Около нас, получается, украинскими дронами убило трёх мирных людей – двух мужчин и одну женщину. Прямо в окна залетали и прямо в человека били. Одного мужчину убили, потом через некоторое время второго мужчину. И на Троицу убило ещё одну женщину. Прямо наводкой через окна вот эти, которые без стёкол, без рам. Прямо наводкой залетали в пятиэтажки. А по улице Безущенко мы в одной квартире восемь человек жили там. Трёхкомнатная квартира, мы тут втроём, там ещё двое человек, и трое человек в зале, получается. Так мы и жили. Жили-жили себе, и потом 7 июня слышим что-то, как летит дрон и врезался в балкон. Выглянули, получается, дрон прилетел с гранатой от РПГ – с морковкой. А у нас, получается,

в соседнем подъезде ещё люди жили. Эти украинские дроны с центра города летели. То есть русских там явно не было солдат. В общем, поменяли мы эту плёнку, поменяли этот ковёр, всё сделали. Слышим, через некоторое время, вроде как успокоились все, через некоторое время, час-два где-то вот так прошло. Летит ещё, жужжит, свистит, ищет, куда бы ему залететь. Мы бегом из соседней комнаты бежать вниз же в подвал. И получается, лестничная площадка, квартира. Тут ванна и, получается, комната. И он залетает, он там жужжал, искал, искал, потому что балкон опять заделанный был. Они залетели в это окно, произошёл взрыв, и взрывной волной меня опять скинуло, короче, вниз. Я там в прострации, вот я помню, что я как бы ничего не помню, только вижу, как меня крутят, вертят: «Аня, Аня, Аня, Аня!» Пока я начала приходить в себя. Опять ухо разбитое, лоб разбитый, затылок разбитый, ноги все побиты. Ну, так летела вниз, кусок зуба отвалился. Всё, в панике побежали в соседний подъезд.

Побежали в соседний подъезд, нашли какую-то квартиру на первом этаже, вычистили, опять постелили матрасы. Всё, двое суток мы проночевали там. Получается, квартира на две стороны. Получается, комната была у нас во двор выходила, кухня, а зала выходила на ту сторону, на другую. И там окно было голое, всё. Единственное, что мы завесили дверной проём какой-то шторкой, подпёрли бутылками и слышим, что жужжит-жужжит и залетает в эту комнату, которая на ту сторону зала была. В общем, кричали, кричали там соседям, а окна, получается, зарешеченные были. Кричали соседям, посмотрите, что те боялись

выходить. Выбежал опять вот этот мужчина, который с палкой скидывал нам этот дрон, забежал, заглянул, говорит: тут лежит дрон с зажигалкой. Я схватила, не помню, что я схватила, и побежала на второй этаж, там, где они жили. Что-то они успели выбрать оттуда, какие-то чемоданы, что там, и она вспыхнула, эта зажигалка. Вспыхнула, и моментально весь дом загорелся. У нас первый этаж, а семья, которая была в соседнем подъезде, там сын с матерью уже, отец у них умер от инсульта. Наверное, от этих всех прилётов инсульт получился. И в подвале у нас семья жила: мама, папа, двое деток. И, получается, этой женщины мать и отец. И вот загорелся дом, опять летят дроны, опять залетают в окна. Украинские летели с центра города. В общем, спалили полностью всю эту пятиэтажку. Я думаю, что, конечно, видели они, что там мирные. Особенно они видели, когда дом горел, а они продолжали его расстреливать этими дронами. Мы-то с этими сумками около этого детского садика на полянке сидели, открытая местность. Зачем они били? Они же видели, что мирное население.

Украинские власти с Зеленским – фашисты. Вот если возможно быть хуже фашистов, то они хуже фашистов. Потому, что они убивают мирное население, они убивают, потому что мы – их территория, а разве можно своих детей так убивать? У нас в Константиновку ни разу ни крохи хлеба, ни глотка воды никто никогда не дал и не привёз. Мы боялись украинских военных. Мы по гражданству украинцы и они же украинцы. Но мы боялись этих солдат украинских, чтобы не дай Бог нас не увидели, чтобы не дай Бог не узнали, где мы живём. Они же дронами расстреливали дом. На Пасху приходили украинские военные, они нас проверяли, фотографировали, у кого там паспорта, мою ксерокопию ещё тогда. И именно, получается, сюда прилетело. Вот именно в этот подъезд прилетело».

17

Щитиков Александр Владимирович,
46 лет, житель города Константиновки, ДНР

«Я эвакуировался из Константиновки три дня назад - восьмого июля. Украинцы дронами били по домам. Когда части находили этих дронов там трезубцы стояли. То есть остатки находили от дронов с трезубцами. Соседка жила через две улицы, её дроном убило. А у меня, получается, 11 марта уже на деревне, и у нас был наш родственник. Он пришёл с другого района, пришёл к нам, там убило тётю Таню, с кем он жил. Он пришёл к нам и жил у нас. Он пришёл 14 января 26-го года. А потом утром он вышел и осколками его убило. Мина, в соседний блок был прилёт. А тетя Таня пошла к соседке через две улицы. Он её искал 3-4 дня. Она прямо на дороге лежала. А ещё одна женщина жила дальше, по улице. Её похоронили прямо во дворе. Там дрон её ударил. Ударил дрон, и она погибла прямо во дворе. Её там во дворе закопали под воротами. В феврале.

Мой дом сожгли на Д-28. Крыши побили. Машину спалили. Соседи у нас, получается, по всей улице, по Берестовой, стояли гражданские машины. За три дня побили все гражданские машины украинцы дронами. Моя спрятана была в гараже. Ко мне прилетело и загорелся гараж. И сгорел дом полностью. Мы украинцам не нужны. Сам мэр города Константиновка как сказал? У него же интервью есть, что там остались одни наркоманы и алкоголики».

18

**Паламарчук Андрей Романович,
57 лет, житель города Константиновки, ДНР**

«В Константиновке я жил в районе автовокзала, на Харьковской. Каждый день на стрессе. Минометы, дроны.

Меня самого дрон атаковал, я раненый был месяц, лежал, вообще не вставал. У соседки они запалили крышу, они еще в доме жили. Крышу запалили с краю, ну и дрон – глаза висели, смотрели, кто, что будет делать. Естественно, мы подорвались с сыном и побежали тушить, выносить имущество. Схватил матрас, тележку, везу. Глаза висят, а другой дрон, штопором стал на меня атаковать. Я успел только два шага назад сделать, сгруппироваться, закрыл артерии и глаза. Ну, у меня нижние конечности посекло.

Каждый день минометы стреляли украинские. Мы же знаем, откуда все летело. Дрон упал возле погреба, лежал, плакал, пипикал, а потом как взорвется. Дверь вот эта внешняя вылетела, а я как раз стоял на ступеньках между внутренней дверью и внешней. Упал вниз головой, оглушило. Прилеты каждый день были. Один сосед погиб, у него раны были такие, что несовместимые с жизнью были. Виктор Ципко или что-то такое. Час или сколько он там пожил, и от потери крови умер, а с кем он там жил – вообще голову оторвало».

19

**Априщенко Раиса Григорьевна,
77 лет, жительница города Константиновки, ДНР**

«Мне 77 лет, я жила в городе Константиновке на улице Богдана Хмельницкого. Я работала заведующей дошкольными учреждениями, а потом в определенное время я перешла в районное отделение образования. Работала инспектором по охране детства.

Я считаю, что это преступление, что мой город украинцы так бомбили. Рядом с моим домом школа, рядом дома. Это мой дом. Это моя квартира. Стрельбища бесконечные были. И у нас во дворе установили подставку для пушки.

В нашем доме был подвал, и через какое-то время заселились украинские вояки. Когда они начали рыть окопы, я подходила и спрашивала. Я говорю: «Скажите, а что здесь будет?». А они: «Да не волнуйтесь, тут будет приезжающая пушка. Но вас она, мол, не будет задевать». Ну, всё на

украинский же мове.

В 2026-м вообще просто ужас, когда украинцы начали бомбить рядом школу. А моя квартира выходила на 11-ю школу. И когда разрушили нашу стену, то есть я уже не могла ни в спальне, ничего там, и окна все-все, то... Ой, мы это всё как-то переживали, волновались,

спрашивали: «Зачем? Зачем это вы всё делаете? Ведь это же не вами построено и не ваше. Это наша земля». Я говорю: «Это не твоя земля. Если ты учился в школе и если ты знаешь историю Донбасса, это не Украина. И город Константиновка — это не Украина, мы же знаем свою историю нашего города».

Украинские военные специально уничтожали. И каждый, кто из украинских военных приходил и заселялся к нам в подвал, значит, я с каждым разговаривала и они все требовали от нас: «Почему вы не эвакуируетесь? Почему вы не эвакуировались?» Я говорю: «Мне некуда ехать, на Западную Украину я не поеду никогда». Потому что, когда пришли эта власть, начались переименования улиц, начали по памятникам... У меня отец воевал в Великую Отечественную войну. Он мне всё это рассказывал. И 1941, и 1945 год, и Западную Украину, и Берлин, в общем, всё-всё-всё до этого. Поэтому я сказала: «Я на Западную Украину эвакуироваться не буду».

У нас люди заставляли уезжать с детками. Их просто заставляли, как я говорю, и я не боюсь этого сказать, что просто геноцид устраивали над населением Донбасса, требуя, чтобы мы выселились с наших квартир, с наших домов. То, что оставалось грабили, заходили. Я с ними разговаривала, я говорю: «У меня оставлены ключи в нашем доме. У нас трёхэтажный дом. Люди, которые... И они вернутся. Они с детками просто на время выехали. Они вернутся. Это их квартиры». Ничего. Грабёж полнейший. Я говорю: «Не взламывайте двери. Вы скажите, что вам нужно. Я перезвоню с этим соседям. Вам разрешат взять».

Украинские военные вскрывали квартиры, разламывали двери, заходили, брали то, что хотели. Никто там не спрашивал, и всё. До ноября месяца с Дружковки ещё мог мужчина на своей машине привозить нам продукты питания, потому что это украинская власть, это мэрия, это всё такое запрещала. Магазины не работали, аптеки, ну, не работало ничто, ни медицина, ничего. Всё было закрыто, всё было специально запрещено, и украинские власти требовали, чтобы мы уехали. Потом нам рассказали, что вот Дима, который привозил вам продукты, погиб. Украинским дроном убили. Мы, конечно, плакали. А до этого ещё, хочу сказать, вернуться: он когда-то приезжал, ещё когда привозил продукты, смотрю — машина его повреждена. А мы говорим: «Что случилось? Как, что?» Он говорит: «Я наехал на коробку разбросанную, говорит, как-то не мог приостановиться, а в коробке, видимо, лежала, может быть, мина, ну, в общем, я как бы в этом не разбираюсь».

Дроны бесконечно летали. 2026 год мы слышали их вой, просто город уничтожали украинцы дронами. Каждый раз когда заселялись в нашем подвале военные, ну, украинские, относились к нам с ненавистью. А с нашего третьего этажа они и запускали свои дроны.

Страшное было. Эти все летающие, все эти бомбёжки. А вот наш край, у меня первый этаж, целая была квартира. И я вышла во двор, и я говорю, потому что, ну, кормили животных, я смотрю — горят наши квартиры первого этажа, первого подъезда. Я позвала соседку и говорю: «Смотри, что нам делать? Горят квартиры твоего подъезда». Она туда выскочила, ну, квартиры же горят, и всё. Я говорю: «Мы рядом, здесь же рядом наши квартиры. Но здесь у нас развалины, середина, развалины всего. Я говорю, может быть, нас не затронут?». Только говорю, слышу, летит дрон, я присела, и звук такой хлопок. Иду к подъезду, смотрю — горит моя квартира. И я поняла, что они просто подожгли мою квартиру. Потому что знали, что мы там. Украинские дроны.

Если бы мы не были на улице, нас украинцы сожгли бы в моей квартире. Потому что мы в это время обычно всегда были в квартире. Соседка взяла сумку с документами и вышла, вся обожжённая. Мы быстро выскочили. И всё. И смотрю – рушится моя стена. Там от школы, где горит. То есть они подожгли мою квартиру. И нас бы, я ж говорю, если бы мы только в квартире...

Зеленский – это не человек, это чудовище. И родили его не мать и отец, не женщина, а просто чудовищные, чудовищные какие-то существа, чтобы довести Донбасс, людей, города, которые отстроили, которые работали на Украину и на всех, и жителей, и устроить такой геноцид Донбассу: детям, старикам, мужчинам, женщинам, выгонять с квартир, требовать, чтобы уезжали. Это не люди, это просто чудовище. Я бы взяла его, всех выродков, всех, кто его выродил, я бы в каждый дом вот так, лицом, нет, не лицом, мордой, и говорила, что вот это твоё наказание, это твоё за то, что ты разрушил мой дом, а потом ещё поджжёг мою квартиру, что ты разрушил каждый детский сад, ты разрушил нашу школу, ты разрушил наши больницы, ты разрушил нашу улицу, разрушил мой город. Я бы их просто мордашкой этой...»

20

Ростовская Светлана Петровна,**61 год, жительница города Константиновки, ДНР**

«В Константиновке я жила на проспекте Ломоносова, а потом в доме у дочери по улице Ростовской.

Украинцы в огороде на меже поставили пушку. Они обстреливали именно вокруг себя дома, которые находились в округе, подвергали их обстрелу массовому.

Рядом с нами улица Сумская была. Молодой человек, 37 лет шел к родителям, жил ниже, к проспекту, а родители жили тут, наверху, где мы. Он нес им там, заряжал телефоны, чтобы тогда еще можно было поймать связь. И ракета прилетела со стороны Украины и ему оторвало две ноги. То есть пытались как-то его эвакуировать, даже к ним украинским военным бегали, просили. Они сказали: «Вы что, дурни, мы сами тут сидим, не вылазим. А тут вы хотите, чтобы мы вас отвезли в больницу». Ну, короче, парень скончался в течение двух часов. Мы ничего сделать не могли, потому что у нас уже ни медиков, ни препаратов, ничего не было, чтобы можно было как-то его хотя бы обезболить. Это было 26 декабря 2025 года.

Мой бывший работник ехал с Дружковки с женой. Больше половины людей ездили туда, чтобы отовариться продуктами или снять деньги, у кого еще остались на карточках. Ехали на мотоцикле, и в районе центра города, возле ДК «Октябрь», где 14-этажки у нас стоят, с этих 14-этажек налетело три дрона. И жену этого Александра разорвало на мелкие куски сзади него. У него было много осколочных, он на одном колесе доехал до дома, а там двое деток. Чабанюк Александр, а жена Мирослава. Он по кускам ее собирал. Папа его там еще в Константиновке оставался, Андрей. Тоже на поехал. Дроны летали. Собирали по кусочкам его похоронить.

С 14-этажки постоянно вылетали дроны и обстреливали центр города. Они видели, что гражданские едут, женщины. Однажды женщина была, она была в обычной каске, впереди

мужчина сидел. А старшая девочка в этот момент, они двумя мотоциклами ехали, Саша, коллега по работе, тоже Саша. И девочка старшая. Они где-то в каком-то промежутке друг от друга ехали, тоже оттуда. На девочкиных глазах все это происходило. Поэтому это очень страшно. Я не знаю, как и Настя все это пережила, конечно. Жуткое вот это явление.

Честно, с моей точки зрения, для украинцев – это как компьютерная игра. Они сидят, смотрят у себя, как в планшетах, едут гражданские: «Давай! Давай!» И вот мне кажется, просто люди получали, наверное, от этого удовольствие. Просто как вот, игрушечка, поигрались, убили и довольные сидят. Потому что другого объяснения я не понимаю. Я вообще не понимаю. Вот даже я, да, еще я работала. Мы с дворниками после прилета обычно, администрация просила, там, уберите стекла, там, ну, чтоб людям можно было еще передвигаться, потому что людей еще много было в сентябре. И мы видим, летит дрон с 14-этажки. А я вижу, он летит, и я кричу девчонкам-дворникам: «Бегите!» Я говорю: «Бегите туда!» Называю номер дома: «Бросайте эти метлы!» Говорю: «Бегите!» А сама пытаюсь забежать в этот подъезд четырнадцатизэтажки по ступенькам, и около меня он в стену врежется, в четырнадцатизэтажку, дворники у меня рассыпаются. Рядом стоящие дома, меня волной заносит прямо в подъезд и сверху дверями. Ба-бах! Я смотрю, он загорелся, начал гореть балкон. Я к девчатам выбегаю, бегу, смотрю, кто поцарапанный, на кого-то упало что-то. Я же их беру, мы к себе в рабочее место, где у нас... давай обрабатывать, помогать им, чтобы они там, пусть это незначительные такие были ранения, но это страшно просто, когда бригада людей в жилетах, видно, что это коммунальная служба, и по ним просто вот так вот, бах – и все. Я работала мастером в ЖЭКах. 8 сентября 2025 года я ехала на работу, вернее, стояла на остановке, смотрю, дроны прямо над проспектом жужжат. У нас ездил коммунальный автобус. Возил еще людей на работу. Смотрю, автобуса нет. Выглядываю с остановки. Смотрю, он выезжает с Мирошниченко и поворачивает на проспект. И как-то он на бок вот так вот. Я думаю, что это странно как-то он едет. А там пожилой мужчина работал, за 70 лет водителем. Думаю, дядя Миша водит-то аккуратно, думаю, что случилось. А потом... как-то он начал кренить, вообще накренился на бок. И смотрю, он не по проспекту едет, не по центру от дороги, а куда-то его в край тянет, в сторону домов частных. Я бегу, бросила вот это убежище, побежала прямо навстречу. И он со всей силы врежется в дерево. Большой тополь по обочине стоял. Я подбегаю, он весь в крови, его прижало уже сиденьями. Люди сидели. Наша сотрудница тоже сидела, Ира, она вылезла через окно, начала вытаскивать другую женщину. Я вот подбежала и бросила сумки, побежала по улицам звать людей: «Помогите, помогите!» Люди начали выходить, в основном женщины. Я говорю: «Помогите, тут мужчина, нам надо его вытащить оттуда, иначе он кровью просто истечет». Повывегаили там мужчины. Естественно, они все прячутся, потому что не хочется встречаться с этими бойцами. Вытянули водителя, женщин, начали звонить. Связи, естественно, нет. Пытаемся поймать связь. Звоним в руководство, что так и так, водитель раненый, сильно раненый. Мы его там смогли вытащить, отжали эти кресла, поразбивали окна. А тут начали дроны подниматься. Ну, такое создалось впечатление, первый украинский дрон ударил где-то в районе 15-й школы, а потом спускался вниз, вот это ехал по центральной вот этой трассе Мирошниченко и поворачивал на проспект, по идее, как раньше он ездил. Вот первый дрон в него врезался в районе 15-й школы, а второй догнал уже перед проспектом. То есть дважды был удар по автобусу. Человек смог его выровнять, взял удар, как говорится, на себя, в дерево, чтобы просто людей не поубивало».

21

**Горбоненко Сергей Григорьевич,
24 года, житель города Константиновки, ДНР**

«Украинские военные нам говорили: «Закрывайтесь, а то мы будем стрелять по вам». И людям приходилось уезжать.

Было, когда мы переехали на Спутник, тоже Костантиновка, на квартиру. Просто у нас подвала не было дома нормального, и нам пришлось уехать в укрытие, там подвал большой был, и там 5 людей мирных умерло от украинского дрона. Кто-то и от тяжёлых ожогов умер. Мы на 3-м подъезде были. Потом хохлы, когда уезжали, они дроном забрасывали в первый подъезд, там тоже умерли люди. Те, которые смогли выйти, там пожар был, они потушили. А потом, когда ещё прилёт был, подвал снова загорелся, и потолок падал на них. Там и волосы у женщины горели, и руки. У которой волосы горели, отец умер, остался безголовый.

Там и бабушки умерли, потом двое мужики, но они старшие, дедушки уже. И там один человек головой ударился сильно. И ожог получил тяжёлый. Третий дня он был живой, ел, а потом он не мог ни встать, ни кушать. Через 5 дней умер. Пожар был, уже не было ни третьего этажа, второго, первого, просто подвал был, и подвал начал гореть и падать. А наш подъезд горел ближе к 9 мая 2026 года.

А еще нам украинские военные бросили противотанковую мину в соседний подвал. Кирпичи падали на нас, я был под кирпичами. В первом подвале было 8 человек. Женщина с собакой, женщина с мужем и женщина с дочкой и женихом дочки и другие. Оксана, Юля, Олег. Потом Марина и Юра. Женщина с собакой. Потом я с отцом и сын с мамой.

А раньше еще возле третьего подъезда умер сын одной женщины. Он, получается, хотел пойти на третий подъезд, там попросить водички немного. И начался украинский обстрел сильный. Мы ему говорили: подожди, не ходи. Это было 11 часов утра. Он как-то успел добежать в первый подъезд. И там ему тоже говорили: подожди. А он: «Я успею, что тут пройти». Убили».

22

**Рапуга Светлана Николаевна,
64 года, жительница города Константиновки, ДНР**

«Азовцы» поставили оружие рядом и днём, и ночью они стреляли. Ну, в общем, по городу. По городу летело прямо. Я ж видела, что от них летело всё на город.

ВСУ мародерили. Они полностью... Вот я к сыну ходила, а рядом поселились украинские дронщики. Ключи у меня ещё были, я открыла. Я захожу, окно открыто. Кресло забрали, мотоцикл у сына был в гараже забрали, инструменты побросали.

Не будет Украины, как страны, ничего, не будет её, всё, уже всё».

23

Гусар Александр Александрович,
30 лет, житель города Константиновки, ДНР

«В городе Константиновке я жил на улице Мелитопольской. Эвакуировался 22 июня двадцать шестого года.

Постоянные обстрелы с миномётов началось буквально от 23-го года. Были постоянные обстрелы города с миномёта. В районе Фрунзенского кладбища или горы постоянно катался украинский миномёт и обстреливал город. В любое время суток могли приехать, выпустить пару мин и уехать. Так называемый кочующий.

Миномёт не стреляет далеко и выход слышно прекрасно. У меня там знакомый жил на горе. Он говорит, они просто выезжали на кладбище на пикапе и с миномёта обрабатывали город. В 2023 году просто наводили кошмары. А потом писали, мол, вот такие плохие русские обстреляли Константиновку. Ну, это у них нормальное явление.

Когда был прилёт в «Экомаркет», там буквально через 5 минут появились иностранные журналисты. И то же самое было с Хитрым рынком, когда прилетела ракета на Хитрый рынок, много гражданских погибло тогда. Тоже буквально 5 минут проходит, появляются журналисты. Мы уже начали привыкать к тому, что там, где появляются журналисты, можно уже просто ждать прилёта.

Вот, допустим, тот же Хитрый рынок: перед тем как туда прилетела ракета, продавцы рассказывали, что приходили там полицейские, ВСУшники и напрямую говорили — закрывайтесь, в такое-то время могут быть прилёты. Ну, то есть как будто им позвонили и сказали: вот, мы обстреляем в такое-то время.

К нам еще прилетело 24 июля 2023 года. Как раз перед маминым днём рождения, получается, прилёт кассет, три ракеты кассетные со стороны Украины. Фронт тогда от Красноармейска был очень далёк ещё. Где-то под Авдеевкой. И тут нам со стороны Красноармейска просто прилетают кассеты. Засыпали, получается, нашу улицу, соседнюю Кировоградскую. И одна чуть-чуть дальше, тоже по Мелитопольской, упала. Видно, что они летели со стороны Красноармейска, и плюс вот эти блоки, в которых они несутся, тоже торчали хвостовиком в сторону Красноармейска.

Потом у соседа по Мелитопольской, 56 в 2025 году прилетела ракета, прямо во двор, со стороны ВСУ. Получается, у него в фасаде дома, во фронте, были дырки со стороны города, со стороны центра города, а у него фронтон как раз выходит на центр города. То есть ну откуда они могли прилететь? Другого места никак нет — с украинской стороны.

Одна знакомая жила по Осипенко. Украинцы приехали на Леопарде, около соседнего дома поставили этот танк. Кто-то из экипажа успел сказать, типа, спрячьтесь, могут быть обстрелы, могут по танку обработать. Ночью с миномёта обработали этот квадрат. Я приехал к знакомой, а у неё перед двором вход мины, получается, и разлёт осколков идёт тоже со стороны города, прилёт. Украинцы поставили танк, потом сами же с миномёта обработали этот квадрат. И потом вот так это русские, мол, обстреливают, за танком гоняются. Это было в 2024-м.

У меня была соседка по улице – Галина Борисовна Щербакова, по Мелитопольской. Получается, я наблюдал из подвала, это вот было буквально несколько месяцев назад. Наблюдал из подвала, как у неё над подвалом завис украинский Мавик, синим скотчем обмотанный. Она услышала звук, испугалась, выскочила из подвала. А за ней погнался FPV-дрон. Упал рядом, ранил её осколком в ногу. Она потом вскочила и забежала к соседу, к Владимиру Ивановичу, в подвал. И вслед за этим первым FPV сразу прилетел ещё один FPV, снёс навес, и следующий FPV поджёг остатки кухни, которые находятся над подвалом. Она к нему в подвал забежала, и они сожгли всё, что осталось от летней кухни. Это Мелитопольская, 56.

Они прекрасно знали, что там живут гражданские. Дядя Саша Волохов, рассказывал, что когда украинские военные шли мимо, между собой переговаривались, они прямо точно знали, что там живут гражданские.

Мародёрство у них – это вообще повсеместное явление. Когда к нам домой прилетело, мы переехали жить к знакомым по Мелитопольской, в 54-й дом. Мы домой решили зайти, забрать ещё кое-что из пожитков. И там наткнулись на ВСУшников. Дверь дома уже взломана. Телевизор вынесли. Естественно, всё перерыто. ВСУшники послали нас на три весёлых буквы, ни о чём не стесняясь даже. У Галины Борисовны такая же ситуация была. Она пришла утром домой и говорит: захожу домой, а они с чердака спускаются. Ну, естественно, тоже в доме всё перевернуто, всё перерыто, что-то у неё там попропадало, я уже не помню. Ну, это, в общем, повсеместное явление. Знакомые тоже рассказывали, как они подъехали к 14-этажкам фурой, загрузили всю бытовую технику с квартир, которую смогли в эту фуру впихнуть, и уехали спокойно. Вообще ни о чём они не заморачивались, им никто ничего сделать, естественно, не мог, не сказать, потому что можно было наткнуться на всякие неприятности.

Уже в двадцать пятом летом, получается, когда фронт начал приближаться, украинцы начали обстреливать город прям капитально, ну прям выдавливать людей. Видно, откуда прилёт, и слышно даже, этот миномёт начал работать вообще слишком часто, постоянно. Ну, пух, бам – всё. Ну, сколько там километров? Всего ничего. На втором участке, там мне знакомый тоже рассказывал с работы, он там жил, у них это чуть раньше началось такое же. Сначала приехали «Азовцы». А у них там сталинка, двухэтажный дом, там хорошие подвалы. И пришли они к этой многоэтажке и сказали: так, давайте, выметайтесь, мол, нам нужен подвал. Иногда было даже вплоть до того, что слышно выход РСЗО и прилёт ракеты прямо на второй участок. Тогда погибла женщина с сыном. Было слышно, откуда выход самой этой ракеты. Естественно, они потом сказали, мол, ракета сломалась. Ну, знаем мы, как у них ракеты ломаются. И такое происходило по всему городу.

Когда мы эвакуировались за нами шли две женщины. Мы, получается, прошли лесополку, спустились в овражек, там передохнули, и мы только начинали уходить, а они шли в отрыве от нас, где-то там около пяти минут такое. И как раз мы ушли в лес уже, а две женщины, которые шли за нами, их атаковали три украинских FPV-дрона. Дроны целенаправленно летели в гражданских. Они даже не целились в военных, они целенаправленно били по гражданским. И две женщины погибли. Погибли две женщины.

У ВСУ отношение к нам, как к москалям. Мы для них те, кто остаётся дожидаться России, те, кто не хочет эвакуироваться в Украину, автоматически в Украине считаются предателями. Вплоть до того, что я так понимаю, у ВСУ приказы просто всех нас в расход».

24

Киреева Оксана Витальевна,
49 лет, жительница города Константиновки, ДНР

«Я эвакуировалась из Константиновки 21 июня 2026 года. Ещё в 2022-23 году на Новую почту зайти было вообще невозможно, были очереди большие, сумасшедшие, военные грузили холодильники, всю бытовую технику, кованые ворота, всё, что можно, отправлялось, технику бытовая. Много всего. Очереди были очень большие. Воровали все.

А нас украинские военные в основном называли нас «ждунами». Всё время говорили: «Что мы тут делаем? А если вы не выезжаете, значит, вы ждуны, сепаратисты». И даже говорили: «Закрывайте магазины, выезжайте, закрывайте магазины».

Я работала в магазине в последнее время, предприятие моё закрылось, и подрабатывала в магазине. И нас много раз предупреждали, и в один прекрасный момент 3 сентября прилетело в магазин. В 2025 году.

Если магазин закроется, людям скучиться как бы негде, и люди начнут выезжать. Люди боятся и будут выезжать. И прилетело от них в магазин, и действительно люди начали многие выезжать. Те, которые даже не собирались. Люди начали сильно бояться.

Украинские военные приходили в магазин и мне просто говорили: «Почему вы не выезжаете? Выезжайте, что вы тут ждёте?» Я говорю: «Я у себя дома. Куда я буду ехать? Мне смысла нет уехать. Я у себя дома».

А моя девочка, которая работала в магазине, погибла. Нас же предупреждали, чтобы мы закрывались, но мы старались. Людей жалко, людям кушать всё равно как бы надо. Мы заказывали понемножку товара и торговали. В сентябре под магазин прилетело, и её убило осколками. А меня закрыла женщина, она истекла кровью. И так я выжила.

У меня просто контузия. Погибло в магазине как раз восемь человек. Не считая, там больше десяти раненых было. Там то ногу оторвало, то руку, но они живые были. Восемь человек погибло. 3 сентября 2025 года, улица Громова. Магазин «Ремикс». И после этого очень много людей стало выезжать. Кому руку оторвало, кому осколками вот так вот подрбило, кому ногу, ну много раненых было, очень много.

А в 2023 году я потеряла дом. Там что-то такое большое пролетело. У меня дома не стало и ни сарая, ничего. С 23-го года я начала ходить по домам, по квартирам, переходить, переходить. Украинцы город обстреливали с разных окраин.

Они, во-первых, хотели запугать людей, чтобы больше людей выезжало. А во-вторых чтобы думали, что это Россия. Но Россия в этот момент очень далеко была.

А вторая контузия – это когда я уже жила на Красном Октябре в частном доме, и под дом прилетело. А я как раз в доме. Мы пообедали, и я решила пойти отдохнуть, поваляться после работы.

Но что-то меня остановило. И в этот момент прилетело, и там, где я хотела прилечь на диван, упала крыша. Просто опять повезло. Это было сентябрь 2024 года».

25

**Паламарчук Лилия Николаевна,
57 лет, жительница города Константиновки, ДНР**

«Мне 57 лет, я работала методистом детского сада №30. Обстрелы украинские сильные начались с 2022-23 года, прилет по Хитрому рынку был. Я как раз проходила до прилета именно то место, где был прилет и где погибли люди. И мы наблюдали и слышали, и мы видели и слышали, откуда летела ракета. Она летела со стороны Дружковки. И все об этом говорили, и все знали. И там погибло, я не помню, сколько человек. Больше 10 человек.

Украинцы специально ударили по рынку, и мы поняли, что так же, как и перед этим, сейчас в Часов Яре, в Артемовске, это все начиналось по такому же сценарию. Они начали бить по рынкам и по школам, по школам и детским садам. Не было близко российских войск, мы прекрасно понимали, откуда летит и кто это, и кому это выгодно. Мы понимали, кто стреляет, откуда стреляет. Украинцы с 2025 года начали обстреливать город. Целенаправленно. А до этого прилетало точно, по школам в основном, по садам, где-то по коммуникациям, по автозаправке били. Депо разбили, ЖД-вокзал. Украинцы. Они били, чтобы люди отсюда уехали. Им нужно было освободить город. Я так понимаю, что вся политика руководства города была нацелена на то, чтобы люди отсюда выезжали. То есть чтобы город был безлюдный, для того чтобы им было удобнее воевать.

Когда мы уже перешли в частный сектор, через дорогу, через проспект, у нас просто не оставалось выхода, а там были частные дома, оставленные людьми, с подвалами, с погребами, которые мы оборудовали и собирались там пережить все это время. И там вокруг нас везде – вот вокруг сидели украинские дроноводы. Мы видели, как поднимаются дроны, как они опускаются, как «Баба-Яга» летала через дорогу. Сидели дронщики, которые запускали «Бабу-Ягу». И тогда уже людей атаковали по проспекту, было опасно передвигаться. Там погибла женщина возле магазина. И к зиме начала прилетать по печкам, по крышам. Дома стояли с печным отоплением. Мы, собственно, и занимали дома с печным отоплением. И чем мы уже помешали, я не знаю. Ну, топим и топим, казалось бы. Но туда, где топились печи, стало прилетать и в огороды рядом, по крышам. И таким образом в наш дом прилетело, крышу снесло. И мы вообще перебрались в погреб. Там стояла печка у нас, буржуйка. Мы уже в домах не топили. Но наши соседи продолжали топить. И как-то их Бог отводил.

И 19 января к ним прилетел дрон в крышу. Начался пожар, очень быстро. Дом моментально загорелся. Мы, собственно, те, кто остались вот с этих сталинок, мы ушли в поселок. Муж с сыном побежали выносить вещи, чтобы спасти, просто перенести вещи из горящего дома. И муж бежал, нес какие-то вещи, и сын, и еще сосед. То есть мужчины довольно молодые. И целенаправленно – откуда появился этот дрон, мы даже не поняли откуда – он атаковал, разорвался, мужа ранило, множественные были разрывы кожи. Целый месяц пролежал не вставая, но, к счастью, серьезных таких страшных ран не было. Просто множественные порезы были. Бог отвел.

Украинский дрон ударил целенаправленно по группе этих людей. Они прекрасно видели, что это люди гражданские вытаскивают матрасы, кастрюли, вещи. Это было видно невооруженным глазом. Погибла женщина, лежит, и даже некому похоронить. Там голову оторвало возле подвала, у кого-то руки, у кого-то ноги. Зятю оторвали ноги. Пошел проводить родителей не так далеко, по проспекту. Говорят, мина оторвала ноги. Он просто истек кровью, и всё. Он погиб. Осталась молодая вдова, жена и ребенок 12-летний, который выходил вместе с нами. Было очень страшно.

Зеленский – преступник. Преступник, который предал свой народ. Потому что так поступать с людьми, так разрушать собственные города, так убивать население собственное, проводить такой геноцид может только человек преступного покроя. Я считаю, нет будущего в Украине».

26

Яковлева Наталья Николаевна,
63 года, жительница города Константиновки, ДНР

«С начала ноября прошлого года мы уже прятались в Нижнем храме, в подвальном помещении храма Иова Почаевского. Оттуда и уходили после того, как храм сожгли. Сожгли захистники – ВСУ. Они дважды пытались его сжечь.

Мы эвакуировались 21-го. 17-го ночью ВСУ сбросили зажигалки, но мужчины, которые с нами в храме находились, сумели затушить. На следующий день они сбросили что-то более мощное. Загорелась вся деревянная утварь, и огонь пошел в разрушенный уже храм. Храм они разрушили. Очень серьезное что-то прилетело. Первый раз я столкнулась с украинскими обстрелами, когда мы поехали на ЖД-вокзал. У нас там домик маленький бабушкин, как дачный огород, скажем так, наш. И я слышу, как над моей головой, я слышу, откуда пролетела со свистом мина, а поскольку уже тоже потом в

разговорах выяснилось, что мина 5-8 километров максимум преодолевает. Это опять же тот же Шанхайский район со стороны Часов Яра. И сначала у них был, видимо, пристрелочный выстрел, а потом прямо, я не знаю, может быть, метров 30 от нас прилетела вторая мина, сбило дерево у соседей, и нам машину засыпало землей, но мы уже третьего выстрела не стали дожидаться, в машину бегом вскочили и уехали, больше мы туда не приезжали, а накануне туда же прилетали, или после, после, это было 7 сентября 2024 года. Соседи мне позвонили и сказали, что снесен весь забор, деревья там выкосило. Это дачный домик наш. Больше мы туда не ездили, потому что уже было плохо со связью. Соседи выехали. И опасно стало, потому что они наложили этих зубов дракона, проволоки колючие везде, где могли, намотали, наставили, надо, не надо. Эти бетонные дзоты стояли, и мы же просто не рискнули туда ехать.

У нас была замечательная женщина, доктор Татьяна Тютюник. Отец был директором цинкового завода у нас. Она помогала людям. И вот она рассказывала: там один погиб, дрон разорвал, прилетел, атаковал. Потом истопник церкви, его разорвало, голову оторвало. Прилетел дрон. У одного оторвало все конечности, а вот нашему Игорю голову оторвало, они все погибли на месте от украинского дрона».